

могила оказалась, мягко говоря, нестандартной.

Если верить прогнозу погоды, надвигающаяся снежная буря обещала побить все рекорды.

Могила — небольшое углубление в твердой как камень земле — предназначалась для Миллисент Ганн: возраст — восемнадцать лет, короткие каштановые волосы, хрупкое сложение, рост — пять футов четыре дюйма¹, объявлена в розыск неделю назад. Могила была вырыта ей по росту. В глубину она была, конечно, мелковата, но при желании ее можно было углубить весной, когда земля оттаяет. Если, конечно, хищники не растащат тело на куски еще до весны.

Бен Тирни перевел взгляд со свежевырытой могилы на соседние. Их было четыре. Валежник и палая листва обеспечивали естественный камуфляж, и все же каждая из могил была по-своему приметна, каждая неуловимо меняла грубый рельеф почвы. Их можно было найти, только если знать, где и что

---

¹ 1 фут равен примерно 30,5 см, 1 дюйм — 2,5 см. (*Здесь и далее прим. пер.*)

искать. Одну из них целиком скрывало поваленное дерево, и различить ее мог лишь человек, наделенный зорким глазом.

Как Тирни.

Он бросил последний взгляд на пустую неглубокую могилу, подобрал заступ, лежащий у ног, и отступил. При этом он заметил, что его башмаки оставляют темные следы на обледенелой земле. Это его не слишком встревожило. Если метеорологи не соврали, следы скоро будут скрыты под слоем снега толщиной в несколько дюймов. А когда земля оттаяет, следы поглотит грязь.

Как бы то ни было, он не стал ничего предпринимать насчет этих следов. Ему надо было спуститься с горы. Как можно скорее.

Свою машину он оставил на дороге, в паре сотен ярдов¹ от импровизированного кладбища на вершине. Никакой тропы, ведущей обратно к дороге, в густых зарослях не было. Толстый ковер палой листвы скрывал предательские неровности почвы и почти не давал опоры ногам, а сильный ветер, швырявший ледяную воду ему в лицо, сужал и без того ограниченную видимость. И хотя он спешил, ему приходилось продвигаться вперед с величайшей осторожностью, чтобы не оступиться.

Служба погоды загодя объявила штормовое предупреждение. Случайное сочетание сразу нескольких природных факторов породило одну из самых страшных снежных бурь, когда-либо отмечавшихся в истории метеорологических наблюдений. Людям,

---

¹ 1 ярд примерно равен 1 м.

проживающим в районах ее вероятного распространения, советовали принимать меры предосторожности, укреплять свои жилища, запастись провизией и отказаться от поездок. Только безумец рискнул бы в такой день взбираться на гору. Или человек, которому нужно было уладить неотложное дело.

Как Тирни.

Холодная изморозь, сеявшаяся с самого полудня, превратилась в ледяной дождь. Катышки замерзшей воды секли его по лицу подобно когтистой плетке, пока он пробирался по лесу. Он ссутулил плечи и поднял воротник куртки до ушей, уже онемевших от холода.

Скорость ветра заметно усилилась. Деревья стояли и гнулись, трещали сучьями под его беспощадными порывами. Ветер сдирал сухую хвою с сосен и увлекал ее за собой. Одна иголка, словно выпущенная из духовой трубки, впиалась ему в щеку.

«Северо-западный, двадцать пять миль¹ в час», — машинально отметил он той частью своего сознания, которая всегда, независимо от его воли, регистрировала окружающую обстановку. Такие вещи, как время, температура, направление и скорость ветра, свое местоположение, он умел определять инстинктивно, словно в него при рождении вмонтировали флюгер, часы, термометр и систему навигации, постоянно транслирующую нужные данные ему в подсознание.

Да, это был врожденный талант, который он отточил до блеска. Его внутренняя антенна всегда бы-

---

¹ 1 миля равна 1,6 км.

ла тонко настроена: ведь большую часть своей жизни он провел под открытым небом. Ему не требовалось сознательно фиксировать в уме бесконечный поток данных, но он часто пользовался своим умением схватывать их мгновенно, когда было нужно.

Вот и сейчас он полагался на свое чутье. Разве он мог допустить, чтобы его застигли на вершине пика Клири — второго по высоте в Северной Каролине после горы Митчелл — с заступом возле четырех старых могил и одной свежеврытой?

Впрочем, полиции города Клири он не опасался: она никак не могла похвастаться блестящей раскрываемостью. Напротив, она стала всеобщим посмешищем. Недавно во главе местного департамента встал один из «бывших»: детектив Бертон, с позором изгнанный из полицейского управления Атланты¹. «Столичная штучка» Датч Бертон возглавил провинциальных полисменов, туповатых мужланов в отутюженной униформе с начищенной до блеска эмблемой, не способных поймать даже хулигана с баллончиком аэрозольной краски, расписывающего похабщиной мусорные контейнеры на заднем дворе бензоколонки.

Правда, в последнее время им было не до мелкого хулиганства: они переключились на расследование пяти дел о пропавших без вести женщинах. Местным Шерлокам, несмотря на всю их бестолковость, все-таки хватило ума сообразить, что, если пять женщин пропали без вести в небольшой об-

---

¹ Город Атланта — столица штата Джорджия.

щине за два с половиной года, это, скорее всего, не случайное стечение обстоятельств.

В крупном мегаполисе такая статистика вряд ли произвела бы сильное впечатление, там каждый день случаются вещи и пострашнее, но здесь, в малонаселенном горном районе, она была угрожающей.

По всеобщему убеждению, пропавшие женщины стали жертвами маньяка. Их, скорее всего, уже не было в живых, поэтому на повестке дня стояли поиски не самих женщин, а их останков. И человек, идущий по лесу с заступом в руках, неминуемо вызвал бы подозрение.

Например, Тирни.

До сих пор ему удавалось не засветиться на радах шефа полиции Бертона. Он был твердо намерен и дальше держаться в тени. Это был вопрос жизни и смерти.

В такт своим шагам он начал перебирать в уме сведения о женщинах, похороненных на вершине. Кэролин Мэддокс, двадцать шесть лет, пышная грудь, красивые черные волосы, большие карие глаза. Объявлена в розыск в октябре прошлого года. Мать-одиночка, единственный источник существования для сына-диабетика. Зарабатывала на жизнь уборкой комнат на одной из местных туристских баз. Ее жизнь была беспросветной чередой тяжелого труда и испытаний.

Зато сейчас Кэролин Мэддокс могла наслаждаться миром и покоем сколько душе угодно. Как и Лорин Эллиотт, незамужняя блондинка, медсестра местной клиники, страдавшая избыточным весом.

Бетси Кэлхаун, домохозяйка, вдова. Она была старше остальных.

Торри Ламберт. Самая первая из них, самая юная, самая хорошенькая и единственная, не являвшаяся местной уроженкой.

Тирни ускорил шаг, стараясь обогнать не только непогоду, но и преследующие его мысли. Стволы и ветви деревьев стали покрываться наледью. Выступающие из земли валуны блестели, словно облитые глазурью. Шоссе, ведущее в Клири, круто петляло под уклон. Вскоре по нему невозможно будет проехать. Он должен убраться с проклятой горы, пока этого не случилось.

К счастью, внутренний компас не подвел его и на этот раз: он вышел из леса всего в двадцати шагах от того места, где вступил в него, и ничуть не удивился, увидев, что его машина уже покрылась ледяной коркой. Тяжелый спуск с вершины утомил его, учатившееся дыхание вырывалось изо рта белыми облачками пара. Впрочем, одышка и учащенное сердцебиение могли быть вызваны вовсе не усталостью, а тревогой. Чувством бессилия. Или сожаления.

Он спрятал заступ в багажник, стянул с рук латексные перчатки, швырнул их туда же и захлопнул крышку. Потом забрался в машину и торопливо прикрыл дверцу, радуясь защите от жестокого ветра.

Его пробирала дрожь. Он подул на руки и энергично потер их в надежде восстановить кровообращение. Латексные перчатки были необходимы, но от холода они не спасали. Он вытащил из кармана

куртки пару кожаных перчаток на шерстяной подкладке и натянул их.

Повернул ключ зажигания.

Ничего.

Он нажал на акселератор и попытался еще раз. Мотор даже не кашлянул. После нескольких безуспешных попыток он откинулся на спинку сиденья, сверля взглядом деления на приборном щитке, словно они могли подсказать ему, что он делает не так.

Еще одна, последняя попытка. Двигатель так и не ожил. Он был так же мертв, как и женщины, похороненные там, на горе.

— Черт! — Он забарабанил кулаками по рулю и уставился прямо перед собой на ветровое стекло, хотя смотреть там было решительно не на что. Стекло полностью затянулось льдом и покрылось морозным узором. — Тирни, — пробормотал он, — ты в полной заднице.

2

— Ветер усилился. Идет дождь со снегом, — заметил Датч Бертон, занавешивая окно. — Нам пора выбираться отсюда.

— Сейчас освобожу эти полки, и все. — Лилли сняла несколько книг с одной из полок и уложила их в коробку.

— Ты всегда любила читать, когда мы бывали здесь.

— Только здесь у меня было время почитать последние бестселлеры. Здесь меня ничто не отвлекало.

— Ну, разве что я, — пошутил Датч. — Помню, как я изводил тебя вопросами. Тебе приходилось откладывать книгу и отвечать мне.

Сидя на полу, она бросила взгляд на Датча и улыбнулась, но не поддержала разговор о том, как чудесно они проводили свободное время в своем горном убежище. Поначалу они приезжали сюда на выходные и на праздники, чтобы сбежать из Атланты, где сумасшедший рабочий ритм буквально валял их с ног.

Потом они стали приезжать сюда, просто чтобы сбежать.

Она упаковывала свои личные вещи, которые собиралась забрать с собой. Больше она сюда не вернется. Не вернется и Датч. Это последняя страница — по сути дела, эпилог — их совместной жизни. Она от души надеялась, что это последнее прощание пройдет по возможности в деловом ключе. Он же, напротив, изо всех сил старался увлечь ее за собой на аллею воспоминаний.

То ли он пытался облегчить собственную душу, поминая добрые старые времена, то ли хотел разбедить душу ей, в любом случае она решительно не желала в этом участвовать. Плохого в их совместной жизни было настолько больше, чем хорошего, что любые воспоминания бредили старые раны.

Она вернула разговор в практическое русло:

— Я сделала копии со всех документов для продажи коттеджа. Они в конверте вместе с чеком на твою половину денег.

Он взглянул на плотный конверт из коричневой

бумаги, лежащий на кофейном столике, но не притронулся к нему.

— Это несправедливо. Почему я должен получить половину?

— Датч, мы уже не раз это проходили. — Лилли загнула все четыре клапана картонной коробки и заклеила ее. Хотелось бы ей с такой же легкостью покончить с этим спором.

— Дом куплен на твои деньги.

— Мы купили его вместе.

— Но без твоей зарплаты мы бы его не купили. На одну мою мы бы его не потянули.

Она подтолкнула коробку к двери, потом поднялась на ноги и повернулась к нему.

— Мы были женаты, когда купили его. Мы пользовались им совместно.

— Мы были женаты, когда занимались в нем любовью.

— Датч...

— Мы были женаты, когда ты подавала мне кофе по утрам и на тебе ничего не было, кроме улыбки и вот этого. — Он кивком указал на плед крупной вязки, брошенный на спинку кресла.

— Прошу тебя, не делай этого.

— Это моя реплика, Лилли. — Он сделал шаг к ней. — Прошу тебя, не делай этого.

— Все уже сделано. Мы занимались этим последние полгода, и теперь дело сделано.

— Ты могла бы все это отменить.

— Ты мог бы с этим смириться.

— Я никогда с этим не смирюсь.

— Это твой выбор. — Лилли помолчала, вздохну-

ла. — Выбор всегда был за тобой, Датч. Ты не способен принять перемены. Ты ни с чем не можешь расстаться.

— Я не хочу расставаться с тобой.

— Тебе придется.

Она отвернулась от него, подтянула пустую коробку поближе к полкам и начала торопливо набивать ее книгами. Ей хотелось уехать поскорее, но приходилось говорить ему неприятные вещи. Он никак не желал понять, что их браку пришел конец.

Несколько минут прошли в тягостном молчании, нарушаемом лишь воем ветра в кронах деревьев вокруг коттеджа. Сучья все яростнее стучали по скатам крыши.

Ей хотелось, чтобы он уехал первым, чтобы не видел, как она покидает охотничий домик. Зная, что они навсегда покидают этот дом, он мог развалиться на части и устроить ей слезливую сцену. Лилли не раз приходилось выдерживать подобные сцены в прошлом, она была сыта ими по горло. Она считала, что расставаться нужно мирно, без скандала, но Датч упорно сворачивал именно в эту сторону.

Конечно, он вовсе не этого добивался, но, вороша старые обиды, лишь помогал ей укрепиться во мнении, что она правильно поступила, когда положила конец их браку.

— По-моему, это твой Луи Ламур¹. — Лилли протянула ему книгу. — Заберешь или оставим его новым хозяевам?

— Они получили все остальное, — мрачно про-

---

¹ Автор популярных ковбойских романов.

ворчал Датч. — Можешь оставить им роман в бумажной обложке в придачу.

— Проще было продать коттедж вместе с мебелью, — объяснила Лилли. — Мебель была куплена специально для этого дома, ни к какому другому она не подойдет. И потом, ни у тебя, ни у меня нет для нее места. Что бы мы стали с ней делать? Вывезти ее только для того, чтобы потом продать кому-то еще? И где ее хранить все это время? Разумно было включить всю обстановку в продажную цену.

— Речь не о том, Лилли.

Она знала, о чем речь. Ему не хотелось думать, что чужие люди будут жить в этом коттедже и пользоваться их вещами. Кто-то будет наслаждаться тем, что принадлежало им. Датчу это представлялось каким-то кошунством, вторжением в их частную жизнь, в то счастье, которым они вместе наслаждались в этих комнатах.

«Мне все равно, разумно это или нет, Лилли. Плевать я хотел, что разумно, а что неразумно! Чужие люди будут спать в нашей постели, под нашими одеялами! Как ты можешь с этим смириться?»

Вот так он отреагировал, когда она рассказала ему о своих планах насчет мебели. Очевидно, ее решение все еще бесило его, но она уже не могла ничего изменить, даже если бы захотела. А она не хотела.

Когда на полках ничего не осталось, кроме одинокого ковбойского романа, Лилли огляделась в поисках каких-то случайно забытых вещей.

— Консервы, — сказала она, указывая на банки,

выставленные на стойку бара, отделявшую кухню от жилой комнаты. — Хочешь забрать их с собой?

Он отрицательно покачал головой.

Лилли вложила банки в последнюю, лишь наполовину заполненную коробку с книгами.

— Я распорядилась, чтобы электричество, воду и газ отключили: новые владельцы будут пользоваться домом только с весны. — Наверняка он все это уже знал: Лилли говорила лишь для того, чтобы заполнить молчание, становившееся все более тягостным, по мере того как она освобождала дом. — Мне осталось только забрать последние мелочи из ванной, и все, я уезжаю. Я все выключу, запру, оставлю ключи у агента по недвижимости, как договорились, по дороге из города.

Горечь и обида были написаны на его лице. Он кивнул, но ничего не сказал.

— Можешь меня не ждать, Датч. У тебя наверняка есть дела в городе.

— Они подождут.

— А ты не забыл, что синоптики обещали снежную бурю? Тебе, наверно, придется регулировать движение в торговом центре, — пошутила Лилли. — Ты же знаешь, в такое время все запасаются, словно им грозит многодневная осада. Давай попрощаемся, и можешь ехать.

— Я тебя подожду. Мы уедем вместе. Заканчивай там, — он указал на спальню, — а я пока загружу эти коробки в твой багажник.

Он подхватил первую коробку и вынес ее за дверь. Лилли прошла в спальню. Кровать с тумбочками по обе стороны была плотно задвинута под

скат крыши. Всю остальную мебель составляли кресло-качалка и комод с зеркалом. Всю дальнюю стену занимали окна. В стене напротив окон находились стенной шкаф и дверь в маленькую ванную.

Лилли уже успела задернуть здесь занавески, поэтому в комнате царил полумрак. Она проверила стенной шкаф. Пустые вешалки на стальной штанге казались осиротевшими. В ящиках комода ничего не осталось. Она прошла в ванную, собрала туалетные принадлежности, которыми пользовалась утром, уложила их в пластиковый несессер на «молнии» и, убедившись, что не оставила ничего в аптечном шкафчике, вернулась в спальню.

Она уложила несессер в раскрытый на постели чемодан и закрыла его. В эту самую минуту вернулся Датч.

— Если бы не Эми, мы и сейчас были бы женой, — заговорил он без всяких предисловий.

Лилли устало покачала головой.

— Датч, прошу тебя, давай не будем...

— Если бы не это, мы продержались бы вечность.

— Мы этого не знаем.

— Я знаю. — Он схватил ее за руки. Они казались холодными в его вспотевших ладонях. — Слушай, я беру всю ответственность на себя. Готов признать: это я виноват, что у нас ничего не вышло. Если бы я повел себя по-другому, ты бы меня не бросила. Теперь я это понимаю, Лилли. Признаю, я наделал массу ошибок. Глупейших ошибок. Я это признаю. Но я прошу тебя, умоляю, дай мне еще шанс.

— Мы не можем стать такими, какими были ко-

гда-то, Датч. Мы уже не те люди, какими были, когда встретились. Неужели ты не понимаешь? То, что случилось, никто изменить не может. Но то, что случилось, изменило нас.

Он ухватился за ее слова.

— Ты права. Люди меняются. Я изменился после развода. Переехал сюда. Принял эту должность. Все это повлияло на меня благотворно, Лилли. Я, конечно, понимаю, Клири — это не Атланта, но здесь мне есть на что опереться. У меня здесь прочный фундамент. Здесь мой дом, здешние люди знают меня и всех моих родных. Они меня любят. Уважают.

— Это замечательно, Датч. Я хочу, чтобы ты здесь преуспел. Я всем сердцем желаю тебе успеха.

Она действительно желала ему успеха — и не только ради него, но и ради себя самой. Пока Датч не вернет себе репутацию хорошего полицейского, особенно в своих собственных глазах, ей от него не освободиться. Он будет цепляться за нее, пока вновь не обретет уверенность в себе и в своей работе. Маленький городок Клири давал ему возможность вернуть самоуважение. Ей оставалось лишь молиться, чтобы у него все получилось.

— Моя карьера, моя жизнь, — лихорадочно продолжал Датч, — но все это потеряет смысл, если ты ко мне не вернешься. — Не успела она его остановить, как он обхватил ее обеими руками, крепко прижал к себе и горячо зашептал прямо ей в ухо: — Скажи, что дашь нам еще один шанс.

Он попытался ее поцеловать, но она отвернулась.

— Датч,пусти меня.

— Вспомни, как нам было хорошо вместе! Если

бы только ты перестала меня отталкивать, мы бы сразу вернулись к тому, с чего начали. Мы могли бы забыть все плохое и стать такими, как прежде. Помнишь, как мы обнимались прямо на людях, удержаться не могли? — Он сделал еще одну попытку и на этот раз впился губами ей в рот.

Лилли оттолкнула его.

— Прекрати!

Он отступил на шаг. Его дыхание шумно отдавалось по всей комнате.

— Ты все никак не хочешь подпустить меня к себе.

Она обхватила себя руками.

— Ты мне больше не муж.

— Ты меня никогда не простишь, да?! — сердито закричал он. — Ты воспользовалась тем, что случилось с Эми, чтобы со мной развестись, но ведь дело совсем не в этом, верно?

— Уходи, Датч. Оставь меня, пока...

— Пока я не потерял над собой контроль? — злобно ухмыльнулся Датч.

— Пока ты себя не опозорил.

На миг, равный вечности, они застыли в молчании. Лилли упрямо выдерживала его бешеный взгляд. Потом Датч повернулся и с топотом вышел из спальни. Он схватил конверт, лежавший на столе, сорвал с крючка свою куртку и шляпу и, не надевая их, хлопнул дверью так, что задрожали оконные стекла. Еще через несколько секунд Лилли услышала, как взревел мотор его «Бронко». Выбрасывая гравий из-под огромных колес, внедорожник сорвался с места и укатил.

Опустившись на край постели, Лилли закрыла